

«МАНКУРТИЗАЦИЯ»: НОВЫЙ МИФ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В последние годы в отечественном обществоведческом лексиконе появился термин «манкуртизация», заимствованный из романа Чингиза Айтматова. Данный термин употребляется при освещении определяющей роли Коммунистической партии в формировании мировоззрения интеллигенции. Сама постановка вопроса о «манкуртизации» подразумевает пассивную роль интеллигенции, которая безропотно была готова подчиниться любому решению. Наверное, для многих обществоведов, в том числе и тех, кто относит себя к числу «истинной интеллигенции», подобная интерпретация исторических событий кажется единственно верной. В данной схеме важна не только негативная роль враждебной интеллигенции коммунистической власти, но и навязанная интеллигенции безвыходная позиция. В такой трактовке у интеллигенции не было выбора, чем и воспользовались «узурпаторы-большевики». [См.: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 321]

Из исторических трудов и художественных произведений мы знаем, что после 1917 года в жизни многих представителей интеллигенции России произошли многочисленные изломы. Историки и писатели уже неоднократно показывали «хождение по мукам» хорошо известных и мало известных интеллигентов. При этом *«характерно, – по словам Ю.М.Лотмана то, – что только обращение к некоторым литературным образцам позволяет нам в ряде случаев расшифровать загадочные, с иной точки зрения, поступки людей той эпохи»*. [Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994, с. 344-345]. Современная стадия изучения истории российской интеллигенции характерна появлением живой истории, подлинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России не только обязано разрушить старые догматические схемы борьбы белого и красного партийно-политических лагерей за массы, не только ответить на традиционные вопросы *«Что?»*, *«Где?»*, *«Когда?»*, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки – *«постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»*[Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 19], с тем, чтобы ответить на более важные вопросы *«Зачем?»* и *«Почему?»*.

За последнее десятилетие произошли существенные изменения в составе комплекса источников по истории интеллигенции путем отбрасывания одних (их условно можно назвать советско-коммунистическими) и введения в исторический оборот других из антисоветского лагеря. В действительности во всех частях общего комплекса документов по истории интеллигенции России содержится важная информация, которую необходимо расшифровать. По мнению М.Блока, *«тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале – пытливый дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, что оно вообще возможно»*[Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, с. 38]. По словам Ю.М.Лотмана: *«В истории знать какие-либо факты и понимать их – вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными»*[Лотман Ю.М. Указ. соч., с.13.].

Для подтверждения данной мысли и возвращения к обсуждению термина «манкуртизация», на мой взгляд имеет смысл обратиться к одному из документов Архива Музея русской культуры в

Сан-Франциско. Этот документ под названием «**Россия во время революции**» не подписан (авторство выясняется), составлен в 1937 году в Югославии на основе личных воспоминаний. Имеет смысл привести достаточно большую выдержку из данного документа, и только потом дать небольшой комментарий, ибо текст во многом говорит сам за себя. В этой части документа говорится о том, что в период после Гражданской войны [...] «Усилиями профессора Мельникова-Разведенкова был основан в Екатеринодаре медицинский институт. Профессуры было достаточно и между ними были превосходные силы. Большинство из них спасалось от революции на Юге России. Некоторые из них не пожелали уехать за границу, а многих «море дальше не пустило», как это было принято говорить об оставшейся на Юге России интеллигенции. Старая профессура образовала только остов, около которого собирались более пожилые и способные врачи. [...] Преподавательский состав Института был довольно пестрый. Рядом с превосходными силами мы имели на некоторых кафедрах недурных врачей с большим практическим стажем, а также и никчемных выскочек с разными заслугами перед революцией. Ректор – профессор Мельников-Разведенков был человек с чрезвычайно тонкими дипломатическими способностями. Как ученый профессор патологической анатомии он имеет довольно большой вес в ученом мире. Немало у него учеников в России. На нем можно до известной степени изучать жизнь русского ученого, оставшегося у большевиков и считающего своим долгом сохранить преемственность русской научной мысли под большевистской властью. Многие его обвиняли в ищурничестве, измене и т.п. я знал его довольно близко и отнюдь не могу согласиться с их мнением. Он бы мог, как ученый, профессор, отдавать известную дань новым идеям социалистического понимания и доживал бы свой век, тем более, что патологическая анатомия является довольно отвлеченным полем деятельности, не сталкивающейся так часто с советской действительностью, как другие области науки. Он считал, что русскому народу нужны врачи, и хорошие врачи, и поэтому он, пользуясь своим авторитетом, долго противопоставлял разрушительной работе [коммунистической] ячейки, проводившей по указанию центра, начиная с дальтоплана, целый ряд изменений, все без исключения понижающие образовательный уровень студента. [...] Его деятельность в качестве ректора шла по тернистому пути непрерывной борьбы за сохранение института, в постоянных распрях с комсомольцами и коммунистами из ячейки, вроде бывшего мальчика из аптекарского магазина. Контролирующих его ректорскую деятельность; в спорах и доказательствах о преимуществе старой системы преподавания; в отстаивании лучших и способнейших студентов отчистки; в улаживании конфликтов со старшими врачами больницы, где происходили занятия со студентами; в атмосфере окружения агентов ГПУ и доносчиков. Помню дискуссию по поводу предполагаемого группового метода занятий без лекций. Коммунист, член студкома, малокультурный, неуспевающий студент лет 24-х развязными, временами дерзкими словами упрекал ректора в консерватизме и дореволюционных взглядах на образовательную систему, в которую советская власть вносит новый пролетарский дух.

Профессор Савченко был человеком совсем другого покроя. Ученый с мировым именем, национально мыслящий русский человек, несокрушимой воли, не поступился до самой смерти своим мировоззрением в угоду большевистского нажима. До конца своей жизни он неустанно работал над новыми открытиями. Многие из его работ остались мало замеченными, и славу их открытия присвоили себе иностранные авторы, как это часто бывает с русскими учеными. «Иван Григорьевич, а Вы знаете, сколько у Вас научных работ?» – «Откуда я могу знать?» Он говорил всегда горячо и отрывисто, немного шепелявя и всегда брызгая слюной. «А Вы были их собрали как-нибудь.» – «А где их искать? В шкафах или на столах где-нибудь валяются. Что осталось, конечно...» – «А, может быть, Иван Григорьевич, под шкафами?..» – «Может быть,» – усмехнулся Иван Григорьевич. – «У нас, кажется, завтра какой-то советский праздник.» – «Значит буду читать послезавтра». Такими словами он приводил нас в восторг, а коммунистов в отчаяние. Ячейка выходила из себя, бегала в партком, но ничего не помогло. Такие ученые, как он, стояли еще под защитой центра, и самочинные расправы с ними еще не допускались. Замечательное было его чествование в 1932 году, по поводу вручения ему грамоты «Заслуженного деятеля науки». Приехали коммунисты из края, выступал секретарь обкома и все восхваляли его, как общественного деятеля, прославившего советскую науку. Все ожидали его ответную речь: многие с тревогой, а большинство с затаенной радостью. «Вот тут говорят, что общественный работник. Чепуха, конечно (его любимые слова). Именно потому, что я болтовней не занимался я чего-то достиг. Я работаю и всю жизнь работал». В таком тоне шла вся его речь. При выходе ему предложили отвезти его на казенном извозчике. «Не нужно, пешком пройду. Всю жизнь пешком ходил...». Недавно, года два тому назад, он внезапно умер. Утром этого дня он был еще здоров, жизнерадостен, говорил о своих работах. И сразу его не стало.

Часть профессуры, из так называемой красной, т.е. людей, получивших это звание не за научные заслуги, а за доброжелательное отношение к советской власти, выражающееся отчасти поддельванием под вкусы коммунистов, угодничеством, иногда доносами, вела себя отвратительно, «якшалась» и «брталась» с членами студкома, исполбюро и ячейки, зачитывала им зачеты без экзамена или задавала им самые легкие, а зачастую и подсказанные вопросы. Среди них отличался профессор А., сын почетного харьковского. Я работал в качестве студента-практиканта в его клинике, где мне однажды невольно пришлось слышать его разговор с агентом ГПУ. Самым бесстыдным образом, не хуже чекиста Ш., он доносил на врача, почему-то ему ненавистного: «Контрреволюционер, он когда-то так и так выразился против советской власти, относится недоброжелательно к больным коммунистам, лечит их хуже, и т.д.».

По поводу одного больного из психиатрического отделения была создана по приказанию ГПУ с целью определения его душевного состояния врачебная экспертная комиссия. Короче говоря, психический больной Х оказался бывшим офицером, которого ГПУ должно было расстрелять. Чтобы создать некоторую видимость соблюдения формальности, решили создать комиссию, председателем которой был назначен профессор А, получивший накануне от ГПУ определенные указания. Два члена комиссии, между ними авторитетный лечащий врач, ввиду очевидности глубокого психического расстройства, подали врачебное мнение, идущее в разрез с желанием ГПУ и его ставленника профессора А. Тогда профессор А пригрозил членам комиссии: «Я вас заставлю подписаться под моим заключением...». Один из членов комиссии, зная, что может следовать за такой угрозой, подписался. Душевно больной человек был выдан ГПУ и расстрелян. Многие, не обладавшие большим именем и не желавшие подвергаться репрессиям, служили и работали тихо и старались сторониться от всяких искушений.

В каком положении находилась научная мысль института? Старая профессура, за исключением одного или двух, продолжала работать и творить, как раньше. Но среди остальных повеял совершенно новый, советский дух. Стало модно «писать работы». «Писать работы» стало нарицательным понятием. На митингах, в постановлениях профсоюзных собраний, вслесту кричали о необходимости двигать науку, к такому то числу или по плану, на следующий год, написать столько то работ. Всякий мало-мальски уважающий себя ординатор и ассистент, уже не говоря о профессуре, должен был иметь «работу». К этому психозу присоединилась еще мания печатать работы обязательно в иностранных, главным образом, в немецких журналах. Большинство переводов этих работ за несколько лет прошло через мои руки. Сплошные фальсификаты, перетисывание, компиляция... [...]»

От описываемых событий нас отделяет почти три четверти века, но исторические аналогии делают данный документ чрезвычайно современным. Можем ли мы в конце XX века говорить о поголовной «манкуртизации» интеллигенции 20-30-х годов? Имеем ли мы право объяснить этим термином поведение ректора института, профессора Мельникова-Разведенкова? Скорее всего, в данном случае, речь идет о нравственном выборе: для него даже вынуждено служить у большевиков – это безусловно верное служение своей Родине, своему профессиональному долгу. Поведение профессора Савченко выделяется на общем фоне. Ни при каких обстоятельствах он не может пойти на нравственные компромиссы. Поэтому для него «то, что и как надо делать, задается через определение того, что и как делать не надо» [Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. 1989, с. 35]. Поведение его, возможно, даже сопряжено с угрозой жизни, но И.Г.Савченко идет на этот риск, ибо он все проанализировал, как положено интеллигенту, и решился на этот поступок. Честь и научный долг для него не пустые слова. В силу вышеизложенного можно согласиться с В.П.Зинченко, который считает, что поступок вполне может не достигнуть цели, но при этом может считаться успешным (то есть получить положительную оценку), если он был произведен как очевидная попытка [Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997, с. 185]. Неслучайно поведение профессора Савченко вызывает восторг у студентов. Он не ведет политической агитации, но своим поведением он воспитывает новое поколение интеллигенции на традиционных для интеллигенции нравственных принципах.

Совсем иначе выглядит поведение тех, кто делал, по выражению автора, «работы», а тем более профессора А. Заметим, что все профессора и преподаватели находились в одно и тоже время в равных условиях, но сделали разный выбор и вели себя по-разному. Более чем уверен, что, если бы профессора Мельников-Разведенков и Савченко дожили бы до наших дней, то они бы резко протестовали против применения к ним термина «манкуртизация». Данный термин потребовался бы, скорее, профессору А. и тем, кто делал «работы», ибо им нужно было бы оправдывать свое поведение. Мне кажется, что при-

менение термина «манкуртизация» в обществоведческой литературе сегодня во многом служит цели оправдать собственное поведение через историческую аналогию. Данный термин должен снять ответственность с конкретного человека за совершенные поступки и возложить вину на некую чуждую интеллигенции силу. Это особенно важно сегодня в условиях «демократических» изменений в стране, где каждый пятый гражданин был членом КПСС, а каждый десятый сотрудничал с КГБ. Сегодня они смело могут стать воинствующими «демократами» и призывать к физическому истреблению коммунистов, ибо вчера их «манкуртизировали». Так за красивым термином скрывается личный интерес, который надеются внедрить через исторические знания.

© А.В.Квакин, 2000